

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ

И

МУЗЕЙ Г. КИЄВА

Проф. Н. Я. Дининченко.

ОДЕССА—1912.

1371 КРАТКИЙ ПАСПОРТ КНИЖИ +

№ п/п ТЗ(24к) 159 Инв. № 360751

Автор Минищенко И. А.

Название Исторический путь
и музей г. Киева

Место, год издания Одесса, 1912.

Кол-во стр. 28с.

— " — отд. листов _____

— " — иллюстраций _____

— " — карт _____

— " — схем _____

Том _____ часть _____ вып. _____

Копьолит _____

Примечание:

7.09.88 Мд

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ

МУЗЕЙ Г. КИЕВА

Проф. И. Я. Линниченко.

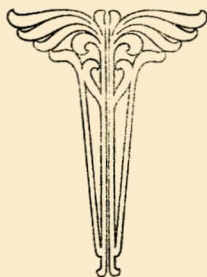
ОДЕССА — 1912.

	Тип. „ТЕХНИКЪ“ Одесса, Екатерининская, 58.
---	--

Въ этой маленькой книжечкѣ я перепечаталъ четыре статьи, помѣщенныя въ „Новомъ Времени“ и „Кіевской Мысли“ (первая въ „Н. В.“ 4 и 6 мая 1911 г. №№ 12622 и 12624, вторая въ „К. М.“ 25 авг. 1911, № 234, третья—тамъ же, 4 генв. 1912, № 4, и четвертая—„Н. В.“ 3 ноября 1911, № 12804).

Съ особеннымъ удовольствіемъ могу отмѣтить, что моя мысль о необходимости устройства муниципальных музеевъ въ нашихъ старыхъ городахъ близка къ осуществленію—такой музей проектируется въ Москвѣ, а въ Кіевѣ при Художественно-Промышленномъ и Научномъ Музеѣ имени Государя Императора Николая Александровича учреждена Комиссія для организаціи и устройства „Отдѣла Стараго Кіева“. Очевидно, сѣмя моей мысли пало на подготовленную почву, и когда откроются двери новыхъ музеевъ, столь важныхъ для пониманія нашей старины, я съ отрадою вспомню, что въ этомъ полезномъ и поучительномъ дѣлѣ есть и капля моего меда.

Проф. И. А. Линниченко.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ.

Въ Кіевѣ, матери русскихъ городовъ, у кого-то зародилась несчастная мысль подражанія берлинской Siegesallee, которую правильнѣе было-бы назвать—Gespensterallee—въ лунную ночь эти однообразно-бѣлыя фигуры производятъ впечатлѣніе фантомовъ, а пожалуй меломанамъ напоминаютъ извѣстную балетную сцену „Роберта Діавола“.

Памятникъ—дань уваженія и почета крупному общественному дѣятелю. Памятникъ (не надмогильный—послѣдній дѣло семейное)—сооруженіе всенародное. Въ Германіи, Эльдorado для такой формы почета, вы найдете безконечный рядъ памятниковъ не только крупнымъ общественнымъ дѣятелямъ (у Нѣмцевъ едва-ли найдется городъ, въ которомъ не было-бы памятника Бисмарку—отъ колоссальнаго сооруженія передъ зданіемъ Рейхстага въ Берлинѣ до крошечнаго горельефа), но и разнымъ Шульце и Миллерамъ, заслуги коихъ извѣстны развѣ исторіографамъ маленькихъ общинъ, иждивеніемъ которыхъ сооружены скромные го—и ба-рельефы или бюсты въ крошечныхъ палисадникахъ (grosse schattige Gartenanlagen) уютныхъ нѣмецкихъ селеній и городовъ (нигдѣ, напр., я не встрѣчалъ столько памятниковъ лицамъ, имена коихъ ровно ничего—даже при хорошемъ знакомствѣ съ Мейеромъ и Брокгаузомъ—не говорятъ уму и сердцу туриста, какъ въ Карлсруэ—захолустнѣйшемъ изъ захолустнѣйшихъ резиденцій Германіи).

Разумѣется, величіе—понятіе относительное. Какой-нибудь неизвѣстный намъ бургомистръ или ратъ можетъ ока-

зять великія услуги своей маленькой общинѣ, и если благодарная община, въ назиданіе и поощреніе всѣмъ будущимъ бургомистрамъ и ратамъ, поставитъ ему памятникъ (хотя-бы, какъ, напр., въ Наугеймѣ, и пріобрѣтенный на распродажѣ забракованныхъ проектовъ—для экономіи, конечно), противъ такого украшенія общиннаго сквера никто возражать не станетъ—проводнику заработокъ, а туристу развлеченіе.

Иное дѣло—памятникъ въ крупномъ центрѣ съ большимъ историческимъ прошлымъ. Здѣсь памятникъ, какъ одна изъ высшихъ формъ посмертнаго (памятники прижизненные, какъ извѣстно, рѣдки) чествованія, причисляется только людямъ, дѣятельность которыхъ гордость цѣлой націи. Возможно развѣ представить себѣ рядомъ съ памятникомъ Пушкину памятникъ Дельвигу, или подлѣ Гоголевскаго (какъ бы онъ ни былъ неудаченъ) монумента—не говорю статую, но бюстъ Нарѣжному или Гребенкѣ, Толстого—рядомъ съ какимъ нибудь Н. Ф. Павловымъ? Ина слава солнцу, ина слава лунѣ, звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу.

Кіевскіе историки предполагають начать серію памятниковъ на „Историческомъ пути“ съ изображеній Кія, Щека, Хорива и сестры ихъ Лыбеди, да еще „во взаимномъ расположеніи, должествующемъ соотвѣтствовать какому-нибудь сюжету изъ жизни эпохи“. Почти всѣ русскіе историки, за исключеніемъ древняго лѣтописца и авторовъ проекта „Историческаго пути“, признають преданія объ основателяхъ Кіева, древность котораго раскопками В. В. Хвойка отодвинута ко временамъ доисторическимъ—эпохѣ мамонта *), эпонимной

*) Вспоминаю слѣдующій случай изъ моей гробокопательской дѣятельности. Производилъ я раскопки въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Сообщаютъ мнѣ, что гдѣ-то при прокладкѣ желѣзнодорожнаго пути найдены кости мамонта. Буду ихъ розыскивать: долго никто не можетъ мнѣ указать мѣстонахожденія этихъ костей. Подѣзжаю къ одной сельской церкви,—по нѣкоторымъ предположеніямъ, находка должна была находиться гдѣ-то недалеко отъ храма,—захожу въ сторожку церковнаго сторожа и допрашиваю его. „Древности есть на хуторѣ Мазараки (археолога. раскопки котораго въ курганахъ скифскаго періода дали блестяшіе результаты), а *памятникъ мамонту* въ

легендой, созданной народной фантазіей для объясненія названій кievскихъ урочищъ (Щековица, Хоревѣца, рѣчка Лыбедь). Но авторы проекта знаютъ (чего историки русскіе доселѣ не знали) даже эпоху, въ которой жили въ Кіевѣ три брата съ сестрой, и предполагаютъ ее отобразить на памятникѣ. Но если молодымъ кievскимъ историкамъ удастся (Клію имъ въ помощь!) доказать реальное существованіе братьевъ съ ихъ родомъ, то почему-же ставить имъ памятники на Софійской площади, а не на тѣхъ урочищахъ, на которыхъ они, по народному миеическому преданію, осѣли („и сѣдѣше Кій на горѣ, кдѣ нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдѣше на горѣ, кдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отнюдуже прозвася Хоривѣца“). Ручеекъ, идущій вдоль желѣзнодорожной насыпи, подъ Байковымъ кладбищемъ, носить и по сей день названіе Лыбеди, гора Щековица (на ней теперь кладбище) существуетъ и понынѣ, а для историка, опредѣлившаго эпоху, въ которой жили основатели Кіева, найти мѣстоположеніе Кіевской горы и Хоревѣцы будетъ, конечно, дѣтской задачей.

Кій, Щекъ и Хоривъ съ сестрою попали въ свитокъ историковъ кievскихъ, а Олегъ, русскій князь, отъ котораго лѣтописецъ ведетъ свое лѣтоисчисленіе („отъ пѣрваго лѣта Олгова, понелѣже сѣдѣ въ Кіевѣ“), о которомъ сообщаетъ столько поэтическихъ преданій, Олегъ, существованіе котораго подтверждается актомъ-договоромъ съ Греками („Мы

имѣни кн. Г.“.—„Какой памятникъ мамонту?“—удивился я. Одинъ изъ мѣстныхъ старожилловъ вскорѣ пояснилъ мнѣ, что дѣйствительно владѣльцемъ имѣнія, на территоріи котораго найдены были мамонтовыя кости, на мѣстѣ находки было воздвигнуто небольшое сооруженіе формы памятника (тогда еще находки мамонтовыхъ костей были очень рѣдки, и нельзя не поблагодарить владѣльца имѣнія за точную отмѣтку мѣста ихъ находженія). Мамонтъ, кости котораго въ такомъ рѣдкомъ изобиліи (68 особей) были найдены въ Кіевѣ на Кирилловой горѣ, конечно, болѣе *реальный* насельникъ Кіева, чѣмъ миеической Кій съ братьями, а потому, почему-же не съ него начать серію памятниковъ? И почему тогда не поставить монументовъ героямъ народной легенды—богатырю, побѣдившему въ единоборствѣ Печенѣжина, и славному Ильѣ Муромцу?

отъ рода Русскаго... иже послани отъ Олга, великаго князя Рускаго“), Олегъ, владѣвшій Новгородомъ и Кіевомъ, овладѣвшій Смоленскомъ, Любечемъ, который „бѣ обладая Деревляны, Полянми, Радимичи, Сѣверянами“, по лѣтописному преданію наводившій такой страхъ на Грековъ, что они видѣли въ немъ св. Димитрія, посланнаго на нихъ отъ Бога, этотъ первый крупный объединитель, не нашелъ себѣ мѣста въ свиткѣ.

Зато почетъ предполагается оказать Святославу. Его предположено изобразить „въ видѣ старорусскаго воина съ весломъ въ рукахъ, въ ладѣ, на скалѣ, изображающей морскую волну“. Святославъ—превосходную характеристику котораго даетъ намъ лѣтописецъ („ходя акы пардусъ, воины многы творяше. Возъ бо по себѣ не возяше, ни котла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину, или звѣрину, или говядину, на углехъ испекъ, ядыше; ни шатра имяше, но подъкладъ постилаше, а сѣдло въ головахъ; такоже и прочай вои его вси бяху. И посылаше къ странамъ глаголя: „хочю на вы ити“), типичнѣйшій представитель дружиннаго періода нашей исторіи; онъ менѣе всего удовлетворяетъ народнымъ потребностямъ въ князѣ, „иже бѣ володѣль и рядиль по ряду, по праву“; это атаманъ вольной дружины, выше всего ставящій свою ратную честь; онъ живетъ только походами и въ походахъ; интересы народа ему совершенно безразличны; онъ не любитъ Кіева и Днѣпра словутнаго, ему полюбился синій Дунай, на берегахъ котораго онъ мечталъ устроить средю своей земли („не любо ми есть въ Кіевѣ жити, хощю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть среда земли моей“). Кіевъ едва не былъ до тла разграбленъ Печенѣгами, осаждавшими матеръ русскихъ городовъ въ отсутствіи князя, постоянно съ дружиною находившагося въ „нѣтѣхъ“, въ отдаленныхъ походахъ. И кіевляне, оставленные своимъ княземъ для милой ему чужбины, посылаютъ ему горькій упрекъ: „ты, княже, чужей земли ищешь и блюдешь, а своя ся лишивъ; малѣ бо насъ не взяша Печенѣзи, и матеръ твою и дѣтей твоихъ“. Памятникъ такому князю, не любившему своей родной земли, готовому промѣнять старый Кіевъ на болгарскій городокъ только потому,

что туда „вся благая сходятся“—быль-бы прямой обидой старому Кіеву *).

По поводу проекта постановки на „Историчемъ пути“ памятника Ольгѣ въ кіевскомъ военно-историческомъ обществѣ возникла жестокая прѣ. Одни признавали, главнымъ образомъ, заслуги Ольги въ области религіозной, другіе утверждали, что за Ольгою большія гражданскія заслуги,—она, по ихъ мнѣнію, чуть ли не первая устроительница русской земли, внесшая извѣстный порядокъ въ ея управленіе. Для лѣтописца Ольга не только первая русская христіанка, но и первый (объ апостолѣ Андреѣ скажемъ ниже) апостоль христіанства на Руси, хотя самъ же лѣтописецъ раньше отмѣчаетъ „крестьянскую Русь водиша въ церковь святого Ильи, се бо бѣ сборная церква, мнози бо бѣша Варязи христьяни“, т. е., что христіанство уже исповѣдывалось отдѣльными лицами въ Кіевѣ до Ольги и занесено оно сюда Варягами**). Попытки же прозелитизма Ольги встрѣчали противодѣйствіе со стороны язычниковъ („аще кто хотяше волею креститися, не браняху, но ругахуся тому“) и въ самомъ Святославѣ, котораго мать тщетно старалась пріобщить къ новой вѣрѣ—суровый воинъ дорожилъ только мнѣніемъ своихъ соратниковъ—языческихъ дружинниковъ („како азъ хощу инъ законъ одинъ принять, а дружина моя сему смѣяться начнуетъ“). Историки, выдвигающіе на первый планъ гражданскія заслуги Ольги, ссылаются на извѣстія лѣтописи, по которой Ольга ходила по (покоренной ей) Деревской землѣ „уставляюще уставы и уроки: и суть становища ея и ловища ея“; въ землѣ Новгородской она „устави по Мьстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты и дань, и оброки; и ловища ея суть по всей земли, и знаменія, и мѣста, и погосты, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ“. Такимъ образомъ, лѣтописецъ сообщаетъ намъ только то, что Ольга нѣ-

*) Правда, нѣкоторые ученые, какъ, напр., мой уважаемый другъ А. Л. Бертье-Делагардъ, видятъ въ стремленіи Святослава на югъ глубокой политической смыслъ и считаютъ его въ этомъ отношеніи предшественникомъ Петра, но такія широкія политическія задачи были не по плечу грубому воину, какимъ былъ Святославъ.

***) Я лично впрочемъ иначе толкую это мѣсто лѣтописи.

сколько упорядочила сборъ дани съ подчиненныхъ кievскимъ князьямъ племень русскихъ Славянъ, назначивъ имъ опредѣленные „уроки“ (ср. „урокъ“ Русской Правды). Сравнительно съ системой Игоря, сбиравшаго одну и ту-же дань по нѣскольکو разъ („желая болшая имѣнья“) это, конечно, прогрессъ, но трудно найти въ скудныхъ данныхъ лѣтописи указанія на какія нибудь особенныя гражданскія заслуги матери - регентши.

Судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ преніяхъ одолѣла сторона, ставящая религіозныя заслуги Ольги выше ея заслугъ гражданскихъ. Киевской княгинѣ, „переключавшей“ самага царя византійскаго, рѣшено поставить памятникъ изъ трехъ фигуръ—средняя княгини Ольги, и по сторонамъ ея двѣ благословляющія ея фигуры, съ одной стороны Апостола первозваннаго, съ другой—св. Кирилла и Меѳодія*). Св. апостоль Андрей появился въ проектѣ конечно потому, что по лѣтописной легендѣ онъ былъ и на горахъ кievскихъ и даже на самомъ сѣверѣ, въ землѣ Славянъ (Новгородѣ). Очевидно, составители проекта незнакомы съ знаменитымъ трудомъ проф. Голубинскаго („Исторія русской церкви“), достаточно убѣдительно доказавшаго легендарность извѣстія о посѣщеніи св. Апостоломъ нашей земли.

Въ Исторіи Кіева до завоеванія его Батыемъ мы находимъ только одно—два лица съ общепризнаннымъ значеніемъ крупнаго дѣятеля—Ярославъ, „иже насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей“, при которомъ „нача вѣра крестыянская плодится въ Руси и расширяется“, крупный государственный дѣятель, съ именемъ котораго (правильно или неправильно, но характерно для квалификаціи направленія его административныхъ талантовъ) связаны первыя попытки кодификаціи законовъ свѣтскихъ и духовныхъ и заботы о просвѣщеніи Руси („книгамъ прилежа, почитая часто въ день

*) Теперь этотъ первый опытъ (какъ первый блинъ, онъ вышелъ по истинѣ комомъ) *монументальныхъ* сооружений на историческомъ пути уже открытъ и поражаетъ своей театральной ходульностью, не говоря уже о томъ, что матеріаль монумента-бетонъ—наименѣ прочный и наименѣ пригодный для скульптурныхъ произведеній.

и въ нощи: и собра писцѣ многы и прекладаше отъ Грѣкъ на Словенскій языкъ и письмо, и списаша многы книги и сниська, имиже поучаются вѣрнии людье и наслаждаются учения божественнаго гласа“; любовь къ просвѣщенію онъ передалъ и дѣтямъ; сынъ его, Всеволодъ, „дома сѣдя, изучѣяше 5 языкъ“), да, пожалуй, Владиміръ Мономахъ (хотя историки и расходятся въ оцѣнкѣ его дѣятельности). Далѣе идутъ все діі тіпогес, длинный рядъ князей, отъ которыхъ доставалось не мало матери русскихъ городовъ (вспомнимъ только Андрея Боголюбскаго и Рюрика).

Итакъ, если мы изъ свитка исключимъ миѳическихъ братьевъ, съ родами своими осѣвшихъ въ Кіевѣ, такую-же миѳическую сестру ихъ, и Святослава, которому было нелюбо жить въ Кіевѣ, для „историческаго пути“ остаются только— Ольга, Владиміръ (памятникъ которому уже воздвигнуть на горахъ кіевскихъ,—онъ можетъ быть и неудаченъ, но кіевляне съ нимъ уже свыклись), Ярославъ да Владиміръ Мономахъ (Олега сами составители проекта исключили изъ свитка). Вотъ и весь „историческій путь“ (составители списка пропустили крупныя фигуры препод. Антонія и Феодосія, соображая, вѣроятно, что имъ, какъ скромнымъ монахамъ, памятникъ воздвигать непристойно, но вѣдь и Ольга и Владиміръ также канонизованы).

Мѣсто для памятника Ярославу конечно Софійская площадь („заложитъ же церковь святыя Софья“), мѣстомъ для монумента Ольгѣ могла-бы быть усадьба доктора Петровскаго—послѣ отчужденія ея въ государственную собственность и всесторонняго археологическаго изслѣдованія.

Однако мы имѣемъ одно важное возраженіе противъ чествованія памяти Ольги и Ярослава монументомъ—изображенія обоихъ будутъ чистой фантазіей. такъ какъ мы не имѣемъ ни портретовъ нашей старой княгини и стараго князя, ни описанія ихъ наружности. Такимъ образомъ, художникъ, какъ бы талантливъ онъ ни былъ, дастъ намъ фантастическое, соотвѣтственно своему представленію о характерѣ изображаемыхъ имъ лицъ, изображеніе Ольги и Ярослава, въ которомъ близкимъ къ дѣйствительности можетъ быть развѣ костюмъ (археологическія раскопки и древнія миниатюры

даютъ намъ представленіе о старо-русскихъ княжескихъ одѣ-
янiяхъ по крайней мѣрѣ въ XI в.; укажемъ, однако, что, по
мнѣнію крупнаго знатока въ этой области, академика Н. П.
Кондакова, одежда великаго князя Святослава на извѣстной
миніатюрѣ Святославова Изборника 1073 г. никакъ не мо-
жетъ быть названа чисто русскою *).

Насколько великъ можетъ быть размахъ фантазіи худож-
ника въ изображенiяхъ лицъ, для опредѣленiя наружности
которыхъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, можно судить
по изображенію Ольги, созданному рукою такого крупнаго
художника, какъ Васнецовъ (въ кievскомъ Владимiрскомъ
соборѣ). Въ этой красивой, мрачной, суровой, съ жестокими
цвѣта вороньяго крыла глазами, нѣтъ ничего славянскаго—
это жгучая мстительная итальянка, какая нибудь Екатерина
Медичи, но не наша Ольга (изображеніе ея точно навѣяно
извѣстными „страшными“ картинами Штука)—это одѣтая въ
византійскій костюмъ безпощадная вдова Игоря, соверша-
ющая кровавую свою тризну надъ Древлянами, а не первая
русская христіанка, убѣждающая воина-сына принять кроткое
евангельское ученіе**).

Вмѣсто историческихъ путей съ ихъ сомнительной по-
учительностью (нельзя-же при каждомъ памятникѣ держать
постоянныхъ ученыхъ гидовъ, истолковывающихъ туристамъ
историческое значеніе Кіа съ его братьями и сестрой), лю-
дямъ, цѣнящимъ и любящимъ наше родное прошлое, слѣ-
дуетъ сосредоточить свои силы на устройствѣ въ нашихъ
старыхъ историческихъ городахъ городскихъ (муниципаль-
ныхъ) музеевъ, цѣль которыхъ представить въ рядѣ реаль-
ныхъ остатковъ старины по возможности полную картину
прошлаго такихъ историческихъ центровъ. Такіе музеи, не-
обыкновенно интересные и поучительные, имѣютъ многіе
старые города въ Западной Европѣ (одинъ изъ наиболѣе
интересныхъ музеевъ такого типа—музей вольнаго города

*) Въ моей коллекціи находятся три художественныя акварели
со всей археологической точностью, нарисованныя извѣстнымъ, нынѣ
покойнымъ, знатокомъ русскаго искусства, В. И. Сизовымъ (князя,
княгини, дружинника).

***) Такой оно вышло и по бетонномъ документѣ.

Франкфурта-на-Майнѣ). Въ такихъ музеяхъ должны быть собраны: предметы археологическихъ раскопокъ на территории города, карты, планы, виды города въ разныя эпохи его существованія; портреты болѣе или менѣе выдающихся городскихъ дѣятелей, костюмы горожанъ (во Франкфуртѣ, напримѣръ, удалось собрать костюмы городской милиціи чуть-ли съ XV в.) разныхъ эпохъ, домашняя обстановка (мебель, посуда, изразцы, экипажи, сани, телѣги, сбруя), образцы мѣстныхъ издѣлій, рукописи мѣстнаго производства, книги, эстампы, гравюры, газеты, напечатанныя въ городѣ, привилегіи горожанамъ и вообще всѣ документы, касающіеся исторіи города, описанія иностранныхъ и туземныхъ путешественниковъ, отчеты о дѣятельности городскихъ учреждений, біографіи мѣстныхъ дѣятелей и т. д. Однимъ словомъ, все такъ или иначе характеризующее исторію и внутренней бытъ города.

Мы имѣемъ нѣсколько очень цѣнныхъ музеевъ—пышныя коллекціи Эрмитажа, музей Императора Александра III, богатѣйшій Историческій музей въ Москвѣ, Щукинское собраніе, Кіевскій историческій музей (къ сожалѣнію, остановившійся въ своемъ ростѣ за цѣлый рядъ послѣднихъ лѣтъ), Музей общества исторіи и древностей въ Одессѣ, музеи при архивныхъ комиссіяхъ въ разныхъ городахъ (одинъ изъ лучшихъ — тверской, для котораго столько сдѣлалъ покойный Жизневскій), музей Поля въ Екатеринославѣ, коллекцію, собранную В. В. Тарновскимъ (въ Черниговѣ), музей въ Тифлисѣ, церковныя древне-хранилища (наиболѣе замѣчательное—собранное проф. Н. И. Петровымъ въ Кіевской духовной академіи) и т. д. *).

Конечно, во многихъ изъ этихъ почтенныхъ собраній мы найдемъ не мало предметовъ, рисующихъ намъ ту или иную сторону городского быта, но предметы эти тонуть въ массѣ другихъ, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ, характеризующихъ прошлое цѣлыхъ обширныхъ территорій. Спеціально муні-

*) Мой уважаемый другъ А. Л. Бертье-Делагардъ (въ Ялтѣ) собралъ единственную по богатству и полнотѣ бібліотеку по исторіи Крыма и превосходную коллекцію татарскихъ предметовъ.

ципальныхъ музеевъ мы до сихъ поръ не имѣемъ нигдѣ (одинъ только Тифлисъ въ прошломъ году рѣшилъ устроить музей подобнаго типа). Починъ въ этомъ дѣлѣ долженъ принадлежать Кіеву и Москвѣ. Въ Москвѣ при содѣйствіи городского самоуправления такимъ музеемъ (ему слѣдовало бы дать наименованіе „имени И. Е. Забѣлина“, этого безпримѣрнаго знатока московской старины) могъ-бы стать Щукинскій музей (теперь отдѣленіе Императорскаго историческаго музея), а П. И. Щукинъ и другіе почтенные московскіе коллекціонеры, выдѣливъ изъ своихъ богатыхъ собраній соотвѣтствующіе предметы, въ очень короткое время могли-бы создать весьма цѣнный музей города Москвы).

Въ Кіевѣ въ настоящее время достраивается зданіе городской публичной бібліотеки, къ ней пока можно бы сдѣлать пристройку для муниципальнаго музея. За осуществленіе предполагаемаго проекта однако слѣдовало-бы взяться самостоятельнымъ обществомъ изученія городской старины. Только сосредоточивъ силы на опредѣленной цѣли, и не разбрасываясь, можно достигнуть цѣнныхъ результатовъ въ каждомъ дѣлѣ.

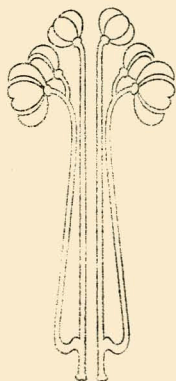
Городскіе музеи слѣдуетъ учредить не только въ такихъ старыхъ центрахъ, какъ Кіевъ, Москва, Новгородъ, Смоленскъ, Вильна и т. д., но и въ новыхъ—Петербургѣ, Одессѣ—въ послѣднихъ, пожалуй и возможно еще (пока все старое не погибнетъ или не уйдетъ за-границу) собрать обильные матеріалы со дня основанія города. Но спѣшить нужно—старина (даже старыя историческія названія улицъ и урочищъ) гибнетъ ежедневно; старыя стильныя постройки, однимъ видомъ своимъ рассказывающія археологу старую нашу быль, рушатся, и на мѣстѣ ихъ возводятся безобразныя десятиэтажные ящики*). Глубоко правъ былъ покойный И. Е. Забѣлинъ, когда глядя на современныя безвкусныя и безъидейныя сооруженія, меланхолически замѣтилъ мнѣ: „душа утеряна“... Обезличивается все—постройки, костюмы,

*) Въ старыхъ городахъ слѣдовало бы систематически дѣлать фотографическіе снимки улицъ, зданій—передъ разрушеніемъ старыхъ построекъ и послѣ возведеніе новыхъ.

нравы, идеи... но объ этомъ говорить было-бы долго, а пока нужно спасать то, что еще осталось отъ стильной, идейной старины.

Мысль о городскихъ музеяхъ зародилась у меня давно, и я началъ собирать матеріалы для исторіи по крайней мѣрѣ двухъ мнѣ, по разнымъ причинамъ, близкихъ городовъ—Кіева и Одессы. Если мой проектъ городскихъ музеевъ когда нибудь осуществится (составленный мною проектъ учрежденія въ Одессѣ центрального архива древнихъ актовъ и архивной при немъ комиссіи, которая могла-бы взять на себя инициативу созданія одесскаго городского музея, странствуетъ уже нѣсколько лѣтъ по канцеляріямъ разныхъ министерствъ), то я мои маленькія собранія конечно передамъ въ соотвѣтствующіе музеи; быть можетъ и другіе собиратели послѣдуютъ моему примѣру.

Я былъ-бы очень благодаренъ любителямъ родной старины, которымъ полюбится мое предложеніе, за обмѣнъ мыслями по данному вопросу (мой адресъ: Одесса—университетъ).

МУЗЕЙ ГОРОДА КИЕВА.

„Старый богатырь, древній Кіевъ, спитъ непробуднымъ сномъ подъ каменными громадами, сковывающими его могучіе, усталые отъ бурной жизни, члены. Лишь изрѣдка вздохнетъ онъ въ своемъ тяжеломъ снѣ, и съ его глубокимъ вздохомъ къ намъ, изъ его подземнаго ложа, порою вылетаютъ то его мечъ-кладенецъ, которымъ онъ столько вѣковъ отбивался отъ Идолища погананаго, то его завѣтная чара въ полтора ведра, свидѣтельница столькихъ пировъ и тризнь, то клочокъ его царскаго убранства. Иногда въ своемъ тысячелѣтнемъ забытій онъ пророкочетъ намъ своимъ глухимъ подземнымъ голосомъ отрывокъ повѣсти о своемъ славномъ прошломъ, но эту замогильную рѣчь пойметъ только его вѣрный другъ, старый археологъ, жаднымъ ухомъ припавшій къ родной землѣ...

Пора могучему богатырю проснуться и, отряхнувъ отъ вѣковой пыли свои могучіе члены, осушивъ до дна свою безмѣрную чару, повѣдать намъ, какъ онъ жилъ, кого любилъ и ненавидѣлъ, съ кѣмъ боролся—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отечески пожурить насъ за то, что мы столько вѣковъ его замятовали“ *).

Ни въ одной культурной странѣ мы не замѣчаемъ такого не только равнодушнаго, но и прямо таки, подчасъ,

*) Изъ моего доклада на черниговскомъ археологическомъ съѣздѣ: „Раскопки въ Кіевѣ у Десятинной церкви“.

пренебрежительнаго отношенія къ памятникамъ родной старины, какъ у насъ. На нашихъ глазахъ памятники старины разрушаются, гибнуть безслѣдно, и никому до нихъ нѣтъ дѣла. Если случайно какой-нибудь любитель старины забѣдетъ въ набатъ, увидавъ разорванную въ клочья, какимъ-то чудомъ много столѣтій самосохранившуюся страницу нашей древней лѣтописи, виновныхъ въ нарушеніи хотя-бы и простой „охраны“ старины не находится. Лица и вѣдомства сваливаютъ вину другъ на друга, и разобраться въ этой путаницѣ взаимныхъ пререканій совершенно невозможно. И изъ нашихъ старыхъ, историческихъ городовъ ни одинъ не пострадалъ такъ отъ небреженія и невѣжества, какъ старѣйшій и славнѣйшій русскій городъ „откуда есть пошла Русская земля“. Въ старомъ, шумномъ и вольнолюбивомъ, Новгородѣ—теперь сонномъ, какъ заросшій тиною прудъ,—стоятъ до сихъ поръ стѣны стараго Кремля, опоясанныя высокимъ валомъ, святая Софія и десятки церквей съ удивительнымъ, по неглѣбности своихъ древнихъ фресокъ, Спасомъ на Нередицѣ. Въ Москвѣ уцѣлѣли стѣны Кремля и Китай-города, Успенскій соборъ, Василій Блаженный—замѣчательная попытка архитектурной революціи противъ византійскаго шаблона.

Отъ земляныхъ валовъ, опоясывавшихъ кievскій Кремль, остались къ нашему времени только небольшіе клочки въ усадьбѣ д-ра Петровскаго. Уцѣлѣвшіе до начала XIX ст. обломки стѣнъ Десятинной церкви были разрушены при возведеніи новаго, столь шаблоннаго по постройкѣ, храма на мѣстѣ храма стараго. Маленькая пирамидка на мѣстѣ древняго Ирининскаго храма, двѣ, связанныхъ желѣзными болтами, стѣнки на мѣстѣ старыхъ Золотыхъ Воротъ, Нерушимая Стѣна и хоры Софійскаго собора, Кирилловскія, Михайловскія и Спасо-Берестовскія фрески—вотъ почти все, что осталось отъ стараго Кіева „aemulae Constantinopolis“.

Но если такъ бѣденъ старыми, уцѣлѣвшими памятниками надземный Кіевъ, то еще до нашего времени богатъ остатками старины Кіевъ подземный. Въ общественныхъ и частныхъ коллекціяхъ хранится масса цѣнныхъ остатковъ

временъ протекшихъ— княжескія бармы, діадемы, гривны, серьги, кольца, печати, оружіе, кресты, монеты и т. д. *).

Раскопки В. В. Хвойка доказали обитаемость Кіева въ эпоху мамонта. Его же изслѣдованія усадьбы д-ра Петровскаго указали центральное мѣсто кіевского Кремля съ остатками княжескихъ теремовъ, мастерскими ювелирныхъ издѣлій, подземными ходами подъ старой валъ и даже остатками сооруженій языческаго періода. И конечно, подземный Кіевъ не отдалъ намъ всего имъ накопленнаго вѣками добра— систематическія раскопки старыхъ пепелищъ выявятъ еще массу бытовыхъ обломковъ нашего многовѣковаго старца.

Не мало памятниковъ, разсѣянныхъ въ разныхъ общественныхъ и частныхъ коллекціяхъ, русскихъ и заграничныхъ, архивахъ и бібліотекахъ, осталось отъ средняго періода кіевского прошлаго— карты, планы, виды Кіева разныхъ эпохъ, портреты старыхъ кіевлянъ, гравированные и писанные красками, рукописи и старо-печатныя книги кіевского происхожденія, старое оружіе, мѣстные костюмы, образцы мѣстнаго производства и т. д.

Собрать все, разсѣянное по лицу русской и нерусской земли, конечно, уже невозможно, но, несомнѣнно, что многое еще возможно объединить въ одномъ хранилищѣ, и такой— музей стараго историческаго центра, подобнаго которому по задачѣ еще нѣтъ на Руси— былъ бы высокопоучительной книгой, рисующей намъ со всѣхъ сторонъ исторію матери городовъ русскихъ.

При такомъ музеѣ необходима, конечно, и спеціальная бібліотека, содержащая въ себѣ *Kioviensia*, т. е. все, писанное о Кіевѣ и его исторіи— описанія путешественниковъ, воспоминанія современниковъ, ученые статьи о прошломъ города, собраніе мѣстныхъ газетъ и листковъ и т. д.

Въ Кіевѣ существуетъ, правда, музей древностей, но судьба его едва ли не плачевна. У насъ на Руси есть много

*) Укажемъ, напр., что богатое содержаніе недавно открылаго при раскопкахъ фундамента Десятинной церкви шифернаго саркофага еще въ 30-тыхъ годахъ какими-то судьбами попало къ мин. нар. проsv. С. А. Уварову и находится теперь въ коллекціи гр. П. С. Уваровой.

странных чиновъ—провинціальныя и корабельныя секретари (хотя у насъ нѣтъ провинцій, а секретари корабельныя, если таковыя еще гдѣ водятся, б. м. и не видали „живыхъ“ кораблей), гражданскіе чины военного вѣдомства, особы четвертаго класса, имѣющія входъ за кавалергардами (въ общезитіи „закавалергардовъ“). Кіевскій музей древностей принадлежитъ къ такимъ чинамъ—онъ переименованъ въ музей художественно-промышленный, хотя изъ художествъ въ немъ находятся только препарованныя въ дубины мамонтовыя кости, а въ качествѣ предметовъ промышленности фигурируютъ кирпичи X—XII вѣковъ.

Какъ музей художественно-промышленный, кіевскій музей древностей находится въ вѣдѣніи министерства торговли и промышленности, едва ли даже вѣдающаго объ его существованіи, такъ какъ музей существуетъ какимъ-то чудомъ, не имѣя даже опредѣленныхъ штатовъ, хотя у насъ и имѣлись и, вѣроятно, имѣются и теперь штаты безъ учрежденій и лица, приписанныя къ штатамъ и сопряженному съ ними жалованью, десятками лѣтъ ожидающія основанія учрежденій, коимъ присвоены штаты.

Кіевское городское управленіе, въ свое время, отказалось принять въ вѣдѣніе города, за отсутствіемъ средствъ на его содержаніе и пополненіе, основанный и выстроенный на частныя средства музей древностей. Раскопки бывшаго кіевского Кремля, обратившія вниманіе всей образованной Руси снова на прошлое старѣйшаго изъ русскихъ городовъ, налагаютъ на кіевлянъ прямую обязанность сдѣлать все отъ нихъ зависящее для охраны и собиранія памятниковъ родной старины. И лучшей изъ всѣхъ мѣръ для этой цѣли будетъ основаніе „Музея города Кіева“ по указанной выше программѣ.

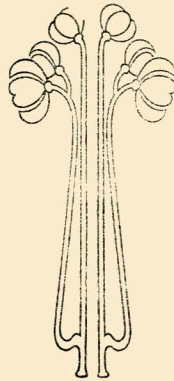
Существующій музей древностей, имѣющій, благодаря частнымъ пожертвованіямъ (гг. Терещенко, Б. И. Ханенко, В. В. Хвойка—сдѣлавшаго такъ много для исторіи древняго Кіева, и др.) коллекціи, единственной по значенію научной цѣнности, преслѣдуетъ задачу несравненно болѣе широкую, чѣмъ будущій „Музей города Кіева“—это историческій и этнографическій (этнографическій отдѣлъ въ существующемъ

музеѣ обѣщаетъ стать очень цѣннымъ) музей для всего юго-западнаго края. „Музей города Кіева“ долженъ быть образованъ по типу городскихъ музеевъ старыхъ историческихъ городовъ Зап. Европы (Франкфуртъ, Вѣна, Парижъ), въ которыхъ точно также богатѣйшіе мѣстные городскіе музеи существуютъ отдѣльно отъ центральныхъ историческихъ музеевъ.

При музеѣ необходимо и учрежденіе общества изученія кіевскихъ древностей, ученымъ заботамъ котораго и должно быть предоставлены администрація и пополненіе новаго музея.

Съ такимъ мотивированнымъ предложеніемъ я обратился недавно въ кіевское городское управленіе, предлагая ознаменовать учрежденіемъ „Музея города Кіева“ высоко-торжественные августовскіе дни нынѣшняго года.

Въ случаѣ принятія кіевской городской думой моего предложенія, предлагаю свою, небольшую для такого крупнаго дѣла, лепту въ размѣрѣ тысячи рублей на постройку музея; я увѣренъ, что и другіе старые кіевляне поддержать денежными и предметными вкладами столь важное для изученія прошлаго роднаго города предпріятіе.

ЕЩЕ О МУЗЕЕ ГРОДА КІЕВА.

(Отповѣдь г. Бѣляшевскому *).

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мною была помѣщена на страницахъ „Кіевской Мысли“ статья о музеѣ города Кіева. Въ моей статьѣ я предлагалъ учрежденіе, по образцу муниципальныхъ музеевъ въ старыхъ западно-европейскихъ городахъ, музея города Кіева, собраніе памятниковъ кіевской старины.

Лишь недавно (21 ноября, № 322 „Кіевской Мысли“) на мою статью отозвался г. Бѣляшевскій статьей: „Отдѣлъ „старого Кіева“ въ городскомъ музеѣ“. Въ статьѣ г. Бѣляшевскаго звучитъ двойная обида—за музей, и за себя. Г. Бѣляшевскій приписываетъ себѣ и пріоритетъ^{***}) идеи муниципального музея и съ нѣкоторою гордостью заявляетъ, что эта хорошая идея имъ уже осуществлена, а я „давая характеристику музея, правда, не вполне уразумѣваю (?“, проглядѣлъ, какъ крыловскій посѣтитель кунсткамеры, въ музеѣ слона, т. е. цѣлый отдѣлъ стараго Кіева. Г. Б. въ своей статьѣ перечисляетъ даже *нѣкоторые* предметы, собранные въ отдѣлѣ, оставляя читателя въ пріятномъ предположеніи, что объ остальныхъ „за множествомъ“ онъ не упомянулъ. Смѣю увѣрить г. Б., что отдѣлъ стараго Кіева въ музеѣ мнѣ хорошо извѣстенъ. Если я не упомянулъ о немъ, то лишь изъ чувства деликатности—on ne parle pas de la corde...

*) Отповѣдь нѣсколько запоздала, такъ какъ статью г. Бѣляшевскаго мнѣ доставили лишь на дняхъ.

***) Очень радъ за г. Бѣляшевскаго—les beaux esprits se rencontrent.

И, хотя я, по увѣренію г. Б., не замѣтилъ слона въ музеѣ, я, однако, замѣтилъ въ немъ даже знаменитаго „лева“ съ подольскаго фонтана, третьяго члена тріады скульптурныхъ произведеній древняго Кіева въ „отдѣлѣ“³⁾).

„Отдѣлѣ“ помѣщается во второмъ перронѣ музея. Онъ содержитъ нѣсколько скульптурныхъ произведеній (между прочимъ, современный надгробный памятникъ аллегорическаго характера), да 2—3 витрины. Въ послѣднихъ, вмѣстѣ съ висящими на стѣнахъ гравюрами и литографіями, нѣсколько десятковъ видовъ Кіева. Если принять во вниманіе, что музею скоро исполнится гражданское совершеннѣтіе, число пріобрѣтеній отдѣла достигнетъ почтенной цифры— 2—3 предметовъ въ годъ. Къ свѣдѣнію г. Б. замѣчу, что въ моей крошечной коллекціи за 2 года собрано почти столько же видовъ стараго Кіева, сколько музей успѣлъ собрать за два десятка лѣтъ.

По увѣренію г. Б., только скудость средствъ мѣшаетъ „отдѣлу“ пышно разцвѣсти. Полагаю, что это не совсѣмъ такъ. Въ Кіевѣ существуетъ замѣчательный церковно-археологическій музей въ духовной академіи; въ немъ собрано уже нѣсколько *десятковъ тысячъ* церковно-археологическихъ предметовъ. И этотъ крупный и важный музей не имѣетъ ни штатныхъ суммъ, ни штата служащихъ. Взамѣнъ этого онъ имѣетъ завѣдующимъ Николая Ивановича Петрова, ученаго съ крупной научной репутаціей, большими связями въ мірѣ ученомъ и въ средѣ духовенства, профессора столь славной въ исторіи нашего просвѣщенія Кіевской Духовной Академіи. И помимо научнаго авторитета, въ силу коего не только студенты и начинающіе ученые, но и маститые ученые труженники постоянно ищутъ его ученаго совѣта, онъ обладаетъ еще однимъ цѣннымъ и рѣдкимъ даромъ—горячей любовью къ своему дѣтищу. Вотъ, въ силу какихъ причинъ, бѣдный, какъ Іовъ, матеріальными средствами музей въ нѣсколько десятковъ лѣтъ сталъ однимъ изъ цѣннѣйшихъ нашихъ древнехранилищъ.

³⁾ „Лева“ г. Б. забылъ въ своемъ перечнѣ, а мнѣ этотъ левъ очень дорогъ по воспоминаніямъ дѣтства.

Укажу и на другія коллекціи, собранныя людьми, обладавшими въ несравненно большей степени энергіей и любовью къ дѣлу, чѣмъ средствами матеріальными.

Недавно въ Петербургѣ скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ педагоговъ, человекъ рѣдкой, кристально-чистой души, всю жизнь свою отдавшій дѣтямъ (чужимъ—своихъ онъ не имѣлъ), преподаватель Черкуновъ. Преподавалъ онъ едва-ли не самый загнанный въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ предметъ—географію, и только географію (географію въ гимназіяхъ преподаютъ обыкновенно историки, въ университетѣ географіи, каѳедра которой отнесена къ физико-математическому факультету, не слушавшіе, а потому о географической картѣ имѣющіе, въ лучшемъ случаѣ, только до—герберштейновское представленіе⁴⁾). Н. Д. любилъ свой предметъ и зналъ его, какъ мало кто на Руси. Наглядныхъ пособій для преподаванія географіи въ гимназіяхъ (кромѣ 2—3 картъ, да глобуса) не существуетъ. И вотъ Н. Д. задался цѣлью создать географическій музей, и одинъ, на свои, болѣе чѣмъ скромныя, средства преподавателя гимназіи, собираетъ музей въ нѣсколько тысячъ предметовъ.

Въ Варшавѣ скромный профессоръ-славистъ лезбера одинъ, своими силами и маленькими средствами, собираетъ этнографическій славянскій музей, насчитывавшій нѣсколько десятковъ тысячъ предметовъ.

Въ остаткахъ бахчисарайскаго дворца нѣкогда задумали устроить музей татарскихъ древностей. Собираніе музея поручили полиціимейстеру дворца (есть такая должность—но

⁴⁾ На вопросъ одному экзаменуемому студенту, гдѣ находится городъ Львовъ, экзаменаторъ, извѣстный своею снисходительностью, проф. В. Б. Антоновичъ, получилъ отвѣтъ „въ Турціи“. Даже В. Б., всегда сдержанный и безконечно мягкій, не выдержалъ: „извините меня, но вы очень не развиты“—замѣтилъ онъ студенту и едва-ли не единственный разъ въ жизни поставилъ экзаменуемому двойку. Впрочемъ, географическія познанія у насъ такъ мало развиты, что одинъ изъ видныхъ кievскихъ администраторовъ, спровергая alibi подсудимаго, въ официальной бумагѣ, ничтоже сумняшеся, заявляетъ: подсудимый утверждаетъ, что въ данное время онъ находился во Львовѣ, между тѣмъ свидѣтельскими показаніями установлено, что онъ въ это время находился въ Лембергѣ.

какихъ только должностей нѣтъ на Руси! Въ Александровскомъ лицѣѣ до послѣдняго времени существовала должность *тараканщика*, обязаннаго изводить лицейскихъ таракановъ—въ нынѣшнемъ году, одновременно съ столѣтіемъ лица, оканчивается и первое столѣтіе войны съ тараканами). Пріѣзжаю какъ-то въ Бахчисарай, осматриваю дворецъ; въ одной изъ его комнатъ съ полупровалившимся потолкомъ нахожу двѣ крошечныя запыленныя витринки, а въ нихъ десятка полтора малоцѣнныхъ татарскихъ предметовъ (пуговицы, пряжки). Вотъ и весь музей, собранный археологами-полиціймейстерами. Сообщаю о своихъ наблюденияхъ моему пріятелю, лучшему знатоку Крыма, А. Л. Бертъе-Делагарду. „Знаю; видалъ этотъ *soi disant* музей и не разъ корилъ имъ полиціймейстера. Оправдывается тѣмъ, что въ Крыму вовсе нѣтъ остатковъ татарской старины, а между тѣмъ ея можно по татарскимъ деревнямъ набрать массу“. „Отчего бы вамъ не попытаться собрать коллекцію татарскихъ древностей“? (А. Л. обладаетъ единственной въ своемъ родѣ библиотекой, въ которой собрано чуть-ли не все, писанное о Крымѣ, замѣчательной коллекціей старыхъ видовъ, плановъ, картъ Крыма; помимо того, онъ много лѣтъ собираетъ предметы древне-греческой культуры въ Крыму, которыми онъ ежегодно обогащаетъ „музей одесскаго общества исторіи и древностей“). А. Л. ухватился за эту мысль. Принадлежитъ къ типу тѣхъ людей, которые не любятъ откладывать дѣла въ долгій ящикъ, и которые каждому предпринятому дѣлу отдаются цѣликомъ, А. Л. вскорѣ предпринялъ археологическую экскурсію въ глухіе татарскіе уголки Крыма и въ короткое время собралъ массу любопытныхъ остатковъ татарской старины (костюмы, оружіе, утварь, украшенія и т. д.). Въ теченіе немногихъ лѣтъ ему удалось уже собрать замѣчательную коллекцію (въ ней есть не мало предметовъ датированныхъ) татарскихъ древностей.

Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что и теперъ еще съ очень скромными средствами (кіевскій церковно-археологическій музей составился исключительно изъ добротныхъ пожертвованій) можно создавать очень цѣнныя собранія. Не вольно вспоминаешь знаменитыя слова стараго нашего мо-

наха: „многіе монастыри основаны боярами и князьями, въ нихъ вложены большія средства, но они не сравнились славою съ обителями, основанными подвижниками, молитвой и слезами“...

Въ одну изъ нашихъ общественныхъ библіотекъ частное лицо, страдающее маніей саморекламы, пожертвовало простыя деревянныя полки размѣромъ не болѣе 3×2 арш., 10-15 книгъ, и надъ полками вывѣсило громкую надпись „Отдѣлъ Н. П'а“. Не напоминаетъ-ли этотъ случай „Отдѣлъ стараго Кіева“ въ музеѣ“? По мнѣнію г. Бѣляшевскаго, достаточно вывѣсить плакатъ „Музей стараго Кіева“, и памятники прошлаго матери русскихъ городовъ сами собою притекутъ, акы овцы на водопой, въ древнехранилище. Но г. Б. слѣдуетъ вспомнить, что вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Г. Б., можетъ быть, и справедливо сѣтуетъ на равнодушіе кіевлянъ къ дѣламъ общественнымъ—еще легендарный Чоботъ-ко горько отозвался о кіевской „громадѣ“, — но съ общественнымъ равнодушіемъ надо бороться вѣрой, *вѣдательной* вѣрой.

Статья г. Б. только подтвердила мою характеристику кіевскаго музея *): „не вполне уразумѣлой“ она остается только для него.

Въ заключеніе укажу на нѣкоторую неосвѣдомленность г. Бѣляшевскаго въ общемузейномъ дѣлѣ. Мысль моя объ устройствѣ муниципальныхъ музеевъ въ старыхъ городскихъ центрахъ начинается осуществляться. Городъ Тифлисъ рѣшилъ учредить такой музей, а недавно поднята мысль объ учрежденіи такого музея въ Москвѣ. Неистощимая энергія лица, становящагося во главѣ этого предпріятія, ручается за блестящій успѣхъ дѣла полезнаго и назрѣвшаго **).

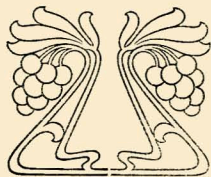
*) Почему музей „городской“? Только потому, что онъ въ городѣ?

***) Московскія газеты сообщаютъ, что при московскомъ археологическомъ обществѣ образовалась недавно комиссія по изученію старой Москвы, поставившая свей цѣлью изученіе роста развитія Москвию въ отношеніи зодчества, иконописи, прикладныхъ искусствъ, собираніе матеріаловъ по ея топографіи, исторіи, а также охраненіе и коллекціонированіе древностей первопрестольной столицы, имѣющихъ историческое значеніе. Главной задачей комиссіи является устройство

„Музея старой Москвы“, въ которомъ будутъ сгруппированны, главнымъ образомъ, предметы домашняго и общественнаго обихода жизни старой Москвы, которые могли бы наглядно знакомить съ бытомъ ея въ давно минувшіе годы. Программа дѣятельности комиссіи по созданію музея уже выработана. Во-первыхъ, комиссія займется сборомъ пожертвованій различныхъ вещей для музея, изученіемъ и наблюденіемъ за сохранностью памятниковъ старины, находящихся въ Москвѣ. Для этого Москва раздѣлена на 63 участка, каждымъ изъ которыхъ будетъ завѣдывать одинъ изъ членовъ комиссіи. При музеѣ будетъ составлена и библіотека, въ которой будутъ сосредоточены книги по исторіи Москвы, выходившія отдѣльными изданіями, отдѣльные очерки, помѣщенные въ журналахъ, газетахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ архивовъ будутъ извлечены и переданы въ музей если не оригиналы, то, по крайней мѣрѣ, копии наиболѣе любопытныхъ документовъ, такъ или иначе отражающихъ въ себѣ исторію Москвы; документы и изслѣдованія будутъ помѣщаться въ печатномъ органѣ комиссіи,—„Старая Москва“, который будетъ издаваться на средства, пожертвованныя специально для этой цѣли однимъ изъ членовъ комиссіи—Г. В. Валицкимъ.

На-дняхъ происходили выборы должностныхъ лицъ комиссіи; председателемъ ея избрана гр. П. С. Уварова, товарищемъ—гр. К. А. Хребтовичъ-Бутеневъ, секретаремъ—И. С. Бѣляевъ. Правила комиссіи и программа ея дѣятельности утверждены соотвѣтствующей властью.

Музей „Старого Петербурга“ находится пока въ частномъ помѣщеніи. Въ настоящее время поднимаются хлопоты о постройкѣ для него спеціального зданія.

КЪ ИСТОРИИ ДРЕВНЕ-КІЕВСКАГО КРЕМЛЯ.

Нѣкоторые изъ депутатовъ Государственной Думы, какъ сообщаютъ газеты, намѣреваются поднять вопросъ о приобрѣтеніи въ Государственную собственность усадьбы доктора Петровскаго въ Кіевѣ, на которой извѣстный кіевскій археологъ В. В. Хвойко открылъ остатки древне-кіевскаго Кремля.

Въ цѣломъ рядѣ докладовъ — московскому археологическому обществу, Черниговскому археологическому съѣзду, Императорской археологической комиссіи и Императорскому военно-историческому обществу — мнѣ, въ свое время, приходилось излагать результаты замѣчательныхъ раскопокъ В. В. Хвойки. Послѣ моихъ докладовъ московское археологическое общество и Черниговскій археологическій съѣздъ постановили ходатайствовать о приобрѣтеніи на государственнѣй счетъ территоріи древне-кіевскаго кремля. Составленъ былъ и проектъ продолженія раскопокъ В. В. Хвойки (которыя онъ производилъ на собственныя средства). Проектъ этотъ (съ значительными, правда, измѣненіями) былъ отчасти осуществленъ Императорскою археологическою комиссіею, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изслѣдующей усадьбу Десятинной церкви и отчасти противолежащую усадьбу кн. Трубецкого (знаменитый кіевскій археологъ проф. В. Б. Антоновичъ предполагалъ найти остатки древне-княжескихъ теремовъ именно на мѣстѣ усадьбы кн. Трубецкого; однако предположенія эти не оправдались — лѣтъ двадцать тому назадъ часть усадьбы кн. Трубецкого была продана кому-то подъ постройку дома; зная мнѣніе проф. Антоновича объ археологической

цѣнности данной усадьбы, продавецъ и покупатель вошли въ особое соглашеніе относительно распредѣленія предполагаемыхъ находокъ на отчужденномъ владѣльцемъ мѣстѣ—на время производства земляныхъ работъ въ усадьбѣ обѣ стороны поставили по надсмотрщику надъ хозяйственными раскопками; выборъ контролеровъ былъ однако едва-ли удачнымъ: съ одной стороны присматривалъ рьяный коллекціонеръ-любитель, археологическій фантазеръ, съ другой—продавецъ древностей. Результаты контроля мнѣ неизвѣстны, но въ коллекціяхъ частныхъ лицъ, между прочимъ, покойнаго теперь собирателя Леопардова, коллекція котораго, послѣ его смерти, поступила въ кіевскій церковно-археологическій музей, находятся цѣнные предметы, найденные въ усадьбѣ кн. Трубецкого. Покойный Леопардовъ сознавался мнѣ, что приобрѣлъ ихъ у рабочихъ землекоповъ, работавшихъ въ усадьбѣ кн. Трубецкого. Исслѣдованія Императорской Археологической Комиссіи, насколько мнѣ извѣстно, пока не открыли ничего особенно цѣннаго въ усадьбѣ кн. Трубецкого, кромѣ слѣдовъ древнихъ погребеній и остатковъ деревянныхъ сооружений очень поздняго времени—быть можетъ просто служебныхъ сараевъ при постройкѣ Андреевской церкви).

Императорской археологической комиссіей открыты пока фундаменты Десятиннаго храма Св. Владиміра и нѣкоторое количество предметовъ, большей или меньшей археологической цѣнности. Наиболѣе интересной находкой слѣдуетъ признать красно-шиферный саркофагъ съ полуистлѣвшимъ женскимъ костякомъ (археологи съ воображеніемъ заподозрѣли въ этихъ остаткахъ прахъ великой княжны Ольги) и кусками полуистлѣвшей матеріи. Замѣчу, что саркофагъ этотъ (типа извѣстной гробницы Ярослава въ Кіево-Софійскомъ соборѣ) уже однажды былъ обнаружень—въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка при постройкѣ современнаго Десятиннаго храма на мѣстѣ стараго храма св. Владиміра (какъ извѣстно, наружные остатки старой церкви, еще до нѣкоторой степени сохранившіеся, были тогда снесены строителями новаго храма). Въ саркофагѣ найдены были тогда очень цѣнные предметы (бармы, золотой эмальированный

крестъ), по описанію Закревскаго хранившіеся въ Десятинной церкви; теперь ихъ тамъ нѣтъ; къ счастью, предметы эти не пропали, а находятся въ одной частной коллекціи, куда попали какими-то неисповѣдимыми путями. Впрочемъ, почтенное имя нынѣшняго ихъ владѣльца служить ручательствомъ достодожднаго къ нимъ уваженія.

Открытый въ тридцатыхъ годахъ саркофагъ почему-то былъ замурованъ и вновь открытъ только три года назадъ. Мнѣ пришлось вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Императорской археологической комиссіи графомъ А. А. Бобринскимъ присутствовать при открытіи саркофага. Замурованъ онъ былъ настолько прочно, что выемка грозила опасностью его цѣлости, Я предлагалъ тогда оставить саркофагъ на мѣстѣ, оградивъ его деревяннымъ щитомъ. Къ тому-же склонялся и графъ Бобринскій. Однако мѣстное духовенство настояло на перенесеніи гробницы въ церковь, причѣмъ нѣкоторыя изъ хрупкихъ шиферныхъ досокъ саркофага лопнули.

Усадьба доктора Петровскаго весьма обширна — она занимаетъ десятины двѣ. На моей еще памяти она принадлежала сначала извѣстному святошѣ А. Н. Муравьеву (въ дѣтствѣ я нерѣдко посѣщалъ садъ Муравьева, славившійся превосходными фруктами и безподобнымъ видомъ); отъ него она перешла къ помѣщику Чернышу, отъ котораго ее и приобрѣлъ (кажется, тысячъ за восемьдесятъ) нынѣшній ея владѣлецъ. Въ усадьбѣ есть постройки — двухэтажный домъ по Андреевскому спуску и домикъ въ саду и у обрыва. Часть усадьбы, примыкающая къ двору Десятинной церкви, продана давно г. Петровскимъ другому владѣльцу, и на ней теперь выстроено нѣсколько одноэтажныхъ домиковъ.

По многимъ причинамъ В. В. Хвойкѣ удалось обслѣдовать только часть усадьбы доктора Петровскаго. Раскопки при этомъ производились при условіяхъ крайне неблагоприятныхъ. Владѣлецъ далъ согласіе на археологическое изслѣдованіе сада при условіи соблюсти цѣлость деревьевъ; приходилось, Такимъ образомъ, производить раскопки разными зигзагами, почему часть открытыхъ сооружений осталась подъ землей, часть заходитъ подъ современныя постройки и до снесенія ихъ обнаружена быть не можетъ.

До сихъ поръ (съ 1908 г. раскопки въ усадьбѣ доктора Петровскаго болѣе не производятся) В. В. Хвойской открыты: остатки древне-княжескаго терема, повидимому разрушеннаго Татарами, стѣнка другого терема, заходящаго подъ одну изъ построекъ въ отчужденной г. Петровскимъ части усадьбы, подземная деревянная галлерей, идущая къ спуску подъ валъ, окружавшій со стороны обрыва Кремль (часть вала еще уцѣлѣла), остатки мастерскихъ ювелирныхъ издѣлій (найлены формы для отливки металлическихъ крестовъ, мастерская эмалевыхъ издѣлій съ ея оригинальнымъ *utensilia* и кусками разноцвѣтной эмали) и цѣлое, весьма оригинальное сооруженіе, повидимому языческой эпохи—овальной съ выступомъ формы, изъ крупныхъ грубыхъ камней; остатки фресокъ, эмалированныхъ плитокъ, замѣчательный металлическій запрестольный крестъ, формы Корсунской и проч.

Найденные отдѣльные предметы въ настоящее время находятся въ Кіевскомъ историческомъ музеѣ, куда они попали благодаря Б. И. Ханенку, извѣстному коллекционеру и одному изъ главныхъ дѣятелей по созданію кіевского музея. Всѣ-же открытые остатки древнихъ сооруженій теперь снова засыпаны землею.

Несомнѣнно, что въ виду научной цѣнности усадьбы доктора Петровскаго, пріобрѣтеніе ея въ государственную собственность является безусловно необходимымъ. Но нельзя ограничиться пріобрѣтеніемъ одной только этой усадьбы — отчужденію должна подлежать вся площадь вдоль обрывовъ, съ трехъ сторонъ окружающихъ усадьбу, съ включеніемъ всѣхъ раньше отчужденныхъ ея кусковъ до границъ Десятиннаго проулка. Только тогда возможно будетъ приступить къ полному обследованію древняго Кремля стараго Кіева. Окончанія изслѣдованія конечно должно быть поручено тому-же В. В. Хвойкѣ, сдѣлавшему такъ безмѣрно много для археологіи старой кіевской земли вообще и особенно стараго Кіева, колыбели русской гражданственности.

